

Малыгина Инна Юрьевна

**"РУССКИЙ СЛОВАРЬ ЯЗЫКОВОГО РАСШИРЕНИЯ" А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА КАК ФОРМА
"ДИАЛОГА" С РУССКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ XX В. (А. СОЛЖЕНИЦЫН, Е. ЗАМЯТИН, И. ШМЕЛЕВ)**

Объектом исследования в статье является "Русский словарь языкового расширения" А. Солженицына, рассматриваемый нами как определенная форма "диалога" с русскими писателями XX в. С помощью метапоэтических данных (анализ предисловия к словарю) раскрывается механизм работы писателя над изданием, определяются источники, цель и задачи его разработки, акцентируется авторское толкование его значения. С опорой на "Литературную коллекцию" Александра Исаевича дается аналитический обзор функционирования лексем - дефиниций "Русского словаря языкового расширения" - в творчестве Е. Замятина, И. Шмелева и А. Солженицына.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/1-2/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 2. С. 34-39. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

19. **Распределенное сознание: Татьяна Черниговская о будущем чтения** [Электронный ресурс] // Теория и практика. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/7582-chernigovskaya> (дата обращения: 26.09.2015).
20. **Романичева Е. С.** «Встречное движение» как новая технология приобщения школьников к чтению // Литература в школе. 2012. № 3. С. 19-22.
21. **Сметанникова Н. Н.** Место чтения в процессе становления информационного сообщества [Электронный ресурс]. URL: <http://uchitel-slovesnik.ru/data/uploads/iz-opita-raboti/mesto-chtenia.pdf> (дата обращения: 22.10.2015).
22. **Троицкий В. Ю.** Русское слово как наследие // Литература в школе. 2009. № 9. С. 20-22.

**THE SITUATION WITH READING AT PRESENT:
THE REVIEW OF APPROACHES TO THE PROBLEM**

Malakhova Mariya Amiranovna
Orenburg State Pedagogical University
marmalakh@yandex.ru

The article examines the situation of a reading crisis for the last several decades; the approaches to the solution of this problem are analyzed, including how efficiently “The National Programme of Support and Development of Reading in Russia in 2007-2020” is being realized now. The way out of the reading crisis with account of the peculiarities of modern children and adolescents is evaluated.

Key words and phrases: reading; the problem of reading; non-reading generation; the list of recommended books; hypertext; screen reading.

УДК 82

Объектом исследования в статье является «Русский словарь языкового расширения» А. Солженицына, рассматриваемый нами как определенная форма «диалога» с русскими писателями XX в. С помощью мета-поэтических данных (анализ предисловия к словарю) раскрывается механизм работы писателя над изданием, определяются источники, цель и задачи его разработки, акцентируется авторское толкование его значения. С опорой на «Литературную коллекцию» Александра Исаевича дается аналитический обзор функционирования лексем – дефиниций «Русского словаря языкового расширения» – в творчестве Е. Замятина, И. Шмелева и А. Солженицына.

Ключевые слова и фразы: лексема; словарь; язык; произведение; литературная коллекция; творчество Е. Замятина, И. Шмелева, А. Солженицына.

Малыгина Инна Юрьевна, к. филол. н.
Ставропольский государственный педагогический институт
pavlihina@bk.ru

**«РУССКИЙ СЛОВАРЬ ЯЗЫКОВОГО РАСШИРЕНИЯ» А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА
КАК ФОРМА «ДИАЛОГА» С РУССКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ XX В.
(А. СОЛЖЕНИЦЫН, Е. ЗАМЯТИН, И. ШМЕЛЕВ)**

Александр Исаевич Солженицын – фигура первостепенного значения, оставившая яркий след в различных областях науки и культуры. Художник слова, глубоко мыслящий философ, профессиональный аналитик истории, политики России – таков совокупный портрет его восприятия в современности. Однако, к сожалению, этот портрет получается абрисным, с ярко выраженными штрихами под грифами «писатель», «историограф», «философ». На фоне этих констант меркнут другие стороны жизнеутверждения Александра Исаевича в мировой культуре, среди которых неоспоримую ценность для русского человека представляет Солженицын-лингвист. Оговоримся, что применительно к имени Солженицына определение «лингвист» звучит, на наш взгляд, неестественно. В нашем восприятии он в первую очередь предстает хранителем и живительной силой «великого и могучего» русского языка. Подтверждением этого высокого звания служит близкое русскому народу по своему наполнению солженицынское слово (как письменное, так и устное).

Источником языкового вдохновения для Солженицына всегда был «Словарь живого великорусского языка» В. Даля: «С 1947 года много лет (и все лагерные, так богатые терпением и лишь малыми клочками досуга) я почти ежедневно занимался обработкой далевского словаря – для своих литературных нужд и языковой гимнастики» [10, с. 3]. Ж. Нива справедливо отметил: «Словарь Солженицына задуман как гимнастика, как упражнение в языковом дыхании. Не для того, чтобы протокольно фиксировать сегодняшний запас русских слов (с “нахлыном” англицизмов), а для того, чтобы расширить легкие русского человека, его языковые легкие» [8, с. 143]. Благодаря этим усилиям Солженицын смог впоследствии осуществить серьезнейший по масштабу и значению шаг – составить «Русский словарь языкового расширения».

Ежедневная скрупулезная работа Солженицына над далевским изданием шла в несколько этапов: выписки громоздких словарных статей и их сокращение. При этом Александр Исаевич пошел по пути не простого сокращения и отбрасывания второстепенных вещей, а по пути концентрации, выделения главной мысли, центрального значения категории. Глубокое проникновение в самую суть языковой системы помогло писателю определить ряд глобальных реконструкторских задач для дальнейшего разрешения: возродить забытые слова и «восполнить всеобщее падение чутья» к языку.

Словарные статьи рассматриваемого нами издания предваряют размышления Александра Исаевича о замысле создания подобной книги, истории ее составления и написания, но самое главное, что автор сам акцентирует внимание на значении словаря для настоящего и будущего русского человека. Принципиальное отличие «Русского словаря языкового расширения» Солженицына от других словарей состоит в главной задаче, стоящей перед автором при его написании – в задаче представления не полного состава языка (как в большинстве российских словарных изданий), а, напротив, в возрождении несправедливо забытых слов.

В предисловии к словарю Солженицын объясняет читателю и порядок работы с изданием. При этом автор указывает на собственные принципы отбора языкового материала, объясняет более частные моменты организации словарных статей. Аналитический обзор словаря Солженицына с точки зрения лингвистических особенностей достаточно подробно освещен в отечественной филологической науке [7; 18; 19; 21]. Однако вопрос функционирования словесных единиц, попавших на страницы словаря Солженицына, в художественных текстах русских писателей XIX–XX вв. (их имена обозначены после предисловия) и в творческом наследии самого писателя остается сегодня мало изученным. В данной статье мы предприняли попытку подобного осмысления, изучив творчество Е. Замятина, И. Шмелева и А. Солженицына (итоги типового анализа творчества В. Белова, В. Распутина, В. Астафьева и А. Солженицына предполагается представить в следующей статье).

Солженицын в тексте «Объяснения» категорично отрицает научность словного отбора, определяя цель словаря как «художественную». На наш взгляд, Александр Исаевич тонко чувствовал разницу между писателем и ученым – оба исследуют, пытаются постичь объективную реальность, но первый смотрит на жизнь творчески, сквозь призму особого художественного мышления, привнося собственный субъективный взгляд на вещи, а второй стремится к объективации, применяя строго научные методы познания, находясь в жестко сконструированной парадигме научного мышления. Писатель, в отличие от ученого, обладает преимуществом – имеет возможность расширять поле собственной деятельности, горизонты проникновения в суть познаваемого объекта. Потому и взгляд Солженицына на язык особый – он совмещает две стороны познающей личности (и ученого, и писателя).

Значимым фактом можно считать то, что автор при составлении словаря учитывал языковые особенности широкого круга носителей русского языка: люди из разных уголков России, писатели прошлого, настоящего, но самое главное, что автором взяты во внимание языковые элементы «не из штампов советского времени, а из коренной струи языка» [10, с. 3].

В сознании писателя слова представляли как сгустки «энергии», что позволяло автору словаря охватить слово в его многозначности, раскрыть как можно сильнее его лексический потенциал. При этом слова, вошедшие в издание, брались автором не только из живой, звучащей речи русского народа, но и из письменных источников, художественно фиксирующих ее. Так, в «Русском словаре языкового расширения» Солженицына мы встречаем лексику из произведений А. Пушкина, Н. Гоголя, И. Тургенева, С. Лескова, Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Бунина, И. Шмелева, С. Есенина, Е. Замятина, В. Астафьева, В. Белова, В. Распутина, А. Толстого и мн. др. Однако не стоит думать, что задача Солженицына состояла лишь в фиксации и возвращении забытых или потерянных русских слов, в восстановлении их в правах – это слишком узкое понимание писательской установки. Эти слова являются некими «мостками» в творческую лабораторию художника.

На сегодняшний день проникнуть в мастерскую Солженицына не составляет особого труда: изданные в России многотиражные собрания сочинений Александра Исаевича, его мемуарные, критические, эпистолярные опусы помогают в этом. Раскрыть же механизм работы Солженицына со словом писателей России XIX–XX вв., попавшим в «Русский словарь языкового расширения», помогает опубликованная в 1997–2004 гг. в журнале «Новый мир» так называемая «Литературная коллекция».

«Литературная коллекция», синтезирующая в себе черты разных жанров (и дневника, и эссе, и критического опуса, и так называемой «лаборатории писателя» [1]), оказалась уникальным по значимости явлением истории и критики русской литературы. Во-первых, тексты из «Литературной коллекции» позволяют читателю понять солженицынское видение того или иного художника слова, понимание его творческого наследия в целом и отдельных произведений. Во-вторых, оценка Александром Исаевичем художественной манеры писателей идет в неразрывном единстве рассматриваемого произведения и историко-литературной эпохи (наиболее яркие примеры: «И. Шмелев и эмиграция», «Б. Пильняк и “Россия. Революция. Мятель”», «Е. Замятин и Советская Россия», «Л. Леонов и Ф. Достоевский», «М. Булгаков и советское литературоведение», «В. Распутин и писатели-деревенщики», «Ф. Светлов и советский быт 1970-х гг.», «И. Бродский и “ирония как религия всего XX в.”»). Как отмечает Г. Е. Жилиев, «коллекция помогает лучше увидеть, расшифровать характернейшие узлы российской духовной жизни на протяжении нескольких десятилетий» [4, с. 150].

В-третьих, ценностью «Литературной коллекции» выступают наблюдения Солженицына в области «писания», «делания» художественного произведения, актуализируя тем самым понятие «мастерская писателя». В этом отношении бесценны наблюдения Солженицына-«ремесленника», подходящего к творческому процессу не только как к воодушевленному акту, но и как к тяжелому, кропотливому труду. Исходя из данного посыла,

Солженицын не сдерживает себя в собственных оценках и характеристиках творческих методов, приемов писателей, в указании не только сильных граней их воплощенного таланта, но и слабых моментов творчества. Это, естественно, во многих случаях вызывает у многих исследователей несогласие, неприятие (достаточно вспомнить, например, статью Л. В. Поляковой «Солженицын о Замятине», в которой автор-замятовед обрушивается на Солженицына с критикой его идей и наблюдений, вынося свой вердикт писателю: «Все авторское предисловие к “Литературной коллекции” “Из Евгения Замятина” изобилует субъективными крайне политизированными характеристиками, репликами, ухмылками, свидетельствующими о том, что Солженицын, к сожалению, все же не может прорвать пелену взгляда на крупнейшего писателя XX столетия...» [9, с. 79-80]). Последний аспект – критический взгляд Солженицына на произведение творца – на наш взгляд, является основополагающим для текстов из «Литературной коллекции». Это и есть путь, ведущий в творческую лабораторию художника.

Логика критического взгляда Солженицына на художественный текст развивается по определенной схеме – указание на какие-либо несоответствия реальной действительности и художественной (например, «хронологические сбои» в «Голодном годе» Б. Пильняка), выделение слабых и сильных сторон в композиционном построении, сюжетном развитии, персонажной системе и определение наиболее ярких особенностей, авторских находок в языковой парадигме (лексика и синтаксис). И во многих текстах из «Литературной коллекции» Солженицын прямо отмечает те слова, которые входят в «Русский словарь языкового расширения» или могли бы его дополнить.

Остановимся подробнее на языковой стороне произведений Е. Замятина, который как одна из значимых фигур литературы первой половины XX в. представлен во всем многообразии эмоциональных оценок вopusе «Из Евгения Замятина». Солженицын осмыслил жизненные вехи писателя (бесплодно прожитые 6 лет в эмиграции – упущенный шанс «высоко подняться духом и мыслью»; влюбленность в революцию и отказ «осмыслить и понять “происшедшее со страной”» в то время), его идейно-философские поиски (одна вера на двоих с М. Горьким – «человекобожие»; испытываемая и никогда не покидавшая писателя «противорелигиозность»), дал оценку творческому наследию (от «свинского русского быта» «Уездного» (1912), «литературного хулиганства» «На куличках» (1914), «просто какого-то маразма» «Бога» (1916) до «поднятого над временем» «Севером» (1918), «своевременного рассказа с поучительной сжатостью» «Сподручницы грешницы» (1918), жемчужины «О том, как исцелен был инок Еразм» (1920)). Отдельным объектом внимания стали наблюдения над языковой стороной замятинских текстов.

«Поражался всегда, – пишет Солженицын, – вызывающе краткой яркостью в портретах и его энергичным сжатым синтаксисом» [15, с. 186]. С первых строк статьи писатель определяет Замятина как одного из своих учителей в синтаксисе, отмечая, однако, при этом, что приобрел у него в итоге небольшой опыт. Несмотря на исходный центральный тезис, писатель акцентирует внимание и на лексической стороне замятинских текстов. Отдельным списком представлен в статье перечень образных выражений и описаний.

В состав этих словесных формул включены слова и словосочетания, вошедшие в солженицынский словарь, как, например, «круглый голос», «насмелился». Автор отметил более 50 лексем из произведений Замятина, которые вообще не использовал в собственной письменной речи. Однако есть некоторые, заслужившие, с его точки зрения, «вечную жизнь»: «некаться», «прозор», «дремь». Показательно, что Солженицын не использует замятинскую лексику в исходном виде. Он преобразует слово, сохраняя его «ядро», его «энергию». Если у Замятина мы встречаем: «Шмит звал обедать. Стал было *некаться* Андрей Иванович, да Шмит и слышать не хотел» («На куличках») [5, с. 456]. То у Солженицына в текстах используется не замятинское слово, а данное ему автором словаря значение: «После Бородина я возомнил, что я – свободный человек. Нет, нет, нисколько! Как вязнут ноги, как трудно вытаскивать их! Пытаюсь *отнекаться* тем, что: – Опоздали “Грани”. Вот уже “Таймс” напечатал. – “Таймс” – неважно, важны – “Грани”! важен отпор и советская принципиальность!» («Бодался теленок с дубом») [12, с. 478].

«Отнекиваться», по Солженицыну, соответствует основному значению «некаться» из словаря В. И. Даля: «*Некать* – повторительно говорить нет; отказывать, отречься, запираться; || отговариваться или не соглашаться» [3, с. 73]. В отрывке из книги «Бодался теленок с дубом» лексеме предшествует многократное использование частицы «нет» (основное значение далевского толкования), раскрывающей доминантный смысл отказа.

В замятинском «Севере» встречается лексема «паршь»: «– Да что ж: все от самого человека зависит. Когда я ступил сюда первой ногой – кто я был? Так – *паршь*, зүёк, вроде Степки, а теперь – да-а...» [5, с. 43]. А в солженицынском «Архипелаге ГУЛАГ» не менее яркой предстает родственная ей лексема: «А еще тебя бьют, если ты слабее всех, или ты бьешь того, кто слабее тебя. Это ли не растение? Душевному лишаем называют старый лагерник А. Рубайло это быстрое *запаршивленье* человека под внешним давлением» [11, с. 89]. В обоих случаях использованные языковые единицы передают основное значение слова «паршивый» – плохой, дрянной, скверный; отвратительный, ничтожный [2, с. 784]. В «Севере» это значение передается более жестко, хлестко (во многом благодаря своей форме). А в «Архипелаге ГУЛАГ» Солженицын, работая со значением слова, идет намного дальше: здесь уже не просто номинация, констатация признака, а отражение процесса, приводящего человека к называнию его «паршей». И как это свойственно именно солженицынскому стилю – мастеру изображения не готового, статичного характера, а динамичного, меняющегося, «текущего». Т. Клеофастова, подтверждая это, отметила, что «у Солженицына человек всегда основной структурирующий элемент события» [6, с. 306]. Герой сдавлен рамками внешними – социумом, государством и др., – гнетущими, душащими, поражающими весь организм человека изнутри. Отсюда и вполне закономерны на страницах «Архипелага ГУЛАГ» такие речевые единицы и обороты, как «сподличают», «задрожавшее от свободы горло»,

«осажденная муть страданий, обид, издевательств», «напрягаются», «самозабвенные восстания», «развоспитывающее действие», «расправа», «искорененье», «запаршивленье» и мн. др. [11].

Полюбившейся языковой единицей для Солженицына становится слово «прозор». В «Сподручнице грешных» Замятина мы встречаем его использование единожды: «Любила мать Нафанаила весну, капель, черные *прозоры* земли сквозь снег» (именно в таком виде дается лексема в «Русском словаре языкового расширения») [5, с. 102]. У Солженицына же в текстах данное слово поражает читателя полисемантической, богатством дополнительных оттенков. Здесь и обозреваемое какое-либо пространство на расстоянии (в современном русском языке – «просматривать»): «В пути глядя на карту при фонарике: выпадало Боеву переехать на восточный берег Пассарге, потом еще километра полтора по проселочной, и поставить огневые, наверно, за деревней Адлиг Швенкиттен, – так, чтобы вперед на восток оставалось до ближнего леса еще метров шестьсот *прозора* и не опасно стрелять под низким углом» («Адлиг Швенкиттен») [17, с. 545], «Тамбовский уезд не так-то был и удобен для партизанской войны: как и большая часть губернии – малолесен, равнина, небольшие холмы, правда много глубоких балок и оврагов (“яруг”), дающих и коннице укрытие от степного *прозора*» («Два рассказа») [Там же, с. 302]. Здесь и наложение на основное значение индивидуально-авторского понимания, выражаемого в слоге, стиле писателя, наиболее ярко раскрывающего идейно-тематическое своеобразие его произведений: «За это время Техотдел успел испробовать ветряк и отказаться от него и стал на хоздворе (в укрытом месте от *прозора* с вышек и от низко летающих самолетов У-2) монтировать гидроэлектростанцию, работающую от <...> водопроводного крана» («Архипелаг ГУЛАГ») [11, с. 202], «Никто он, Шкуропатенко, просто ээк, но душа вертухайская. Выписывают ему наряд-повременку за то одно, что он сборные дома от ээков караулит, не дает растаскивать. Вот этот-то Шкуропатенко их скорей всего на открытом *прозоре* и подловит» («Один день Ивана Денисовича») [17, с. 19]. В последнем случае слово помещено уже в «тюремно-лагерный» контекст, оно воспринимается в своей полноте, находясь в одном ряду с «надзором», «досмотром», «вертухаем», «вышкой», «шмоном», «карцером».

Не только в художественных текстах Солженицына встречается лексема «прозор», но и в публицистических: «Однако лишь это разделение прояснит нам *прозор* будущего» («Как нам обустроить Россию») [16, с. 452]. «Прозор» в данном контексте синонимичен «просвету»; обозреваемое пространство на расстоянии (основное значение слова) рассматривается уже не в пространственных, а временных рамках. Или в статье «Образованщина»: «А есть ещё особый разряд – людей именитых, так недосыгаемо, так прочно поставивших имя своё, предохранительно окутанное всесоюзной, а то и мировой известностью, что, во всяком случае в послесталинскую эпоху, их уже не может постичь полицейский удар, это ясно всем *напрозор*, и вблизи, и издали; и нуждою тоже их не накажешь – накоплено» [Там же, с. 222]. В данном случае слово синонимично конструкциям «яснее ясного», «без исключения», «наверняка» (т.е. «напрозор» выступает в роли усилителя утверждения), а последующие лексемы «вблизи», «издали» еще и при повторяемости соединительных союзов намекают на абсолютную прозрачность, неоспоримую достоверность верного восприятия увиденной ситуации, положения.

Обращает на себя внимание и сходное употребление у Замятина и Солженицына лексемы со значениями «покоя, неподвижности, оцепенения», «апатии, бездействия, застоя». Только каждый из писателей находит свою оболочку для выражения авторской мысли: «Так камень бултыхнет в водяную *дремь*, все взбаламутит, круги: вот разбежались – только легкие морщины, как по углам глаз от улыбки – и снова гладь» (Е. Замятин, «Русь») [5, с. 556] – «Гут трагически сказала та черта русско-украинского характера (не различая, кого из громил кем считать), что в минуты гнева мы отдаемся слепому порыву “раззудись плечо”, не различая правых и виноватых, а после приступа этого гнева и погрома – не имеем способности вести терпеливую, методическую, многолетнюю деятельность к исправлению бед. В этом внезапном разгуле дикой мстящей силы после долгой *дремли* – на самом деле духовная беспомощность наших обоих народов» (А. Солженицын, «Двести лет вместе (1795-1995). Часть I») [16, с. 551]. При этом в словаре В. И. Даля наряду с множеством зафиксированных словоформ (дрема, дремота, дремы, дремание, дремка, дремалка, дремуша, дремливость, дремуха, дрем) нет ни замятинской «дремии», ни солженицынской «дремли» [3].

Солженицын, обращаясь в «Литературной коллекции» к фигуре И. Шмелева, подчеркивает ее значимость для русской истории и культуры: отмечает он и его общественную деятельность в до- и послереволюционный период, и мастерство писателя, в творчестве которого звучат исконно русские, национальные нотки, передаются традиции, происходит воскрешение православного сознания. Александр Исаевич метко определяет шмелевский идиостиль, аналитически разбирая его «Росстани» (1913), «Неупиваемая чаша» (1918), «Чужой крови» (1918), «Солнце мертвых» (1923), «Лето Господне» (1927-1944). Последнее произведение в оценке Солженицына предстает неким воплощенным идеалом мировидения самого Шмелева. В тексте синтезируются «сочное», «теплое» описание России, которая «встает – живая», «неторопливый поток образов» и «единый теплый, задушевный, праведный тон» [14, с. 192]. Справедливо подмечено, что «тон – для русской литературы XX в. уникальный: он соединяет опустошенную русскую душу этого века – с нашим тысячелетним духовным устоянием» [Там же].

Особое место в статье отводится размышлениям Солженицына о «Солнце мертвых» И. Шмелева. Соотнося художественный мир этой книги с «Голодным годом» Б. Пильняка, бесспорным звучит риторический вопрос «страшней этой книги («Солнца мертвых» – И. М.) – есть ли в русской литературе?». «Кто ещё так передал отчаяние и всеобщую гибель первых советских лет, военного коммунизма? Не Пильняк же! у того – почти легко воспринимается. А здесь – такое душевно трудное преодоление, прочтёшь несколько страниц – и уже нельзя. Значит – правильно передал ту тягость. Вызывает острое сочувствие к этим бьющимся в судорогах и умирающим

<...> Тут целый погибающий мир вобран, и вместе со страданием животных, птиц. В полноте ощущаешь масштабы Революции, как она отразилась и в делах, и в душах. Как вершинный образ – слышен “подземный стон”, “Недобитые стонут, могилки просят”? (а это – вытьё тюленей-белух)», – пишет, вторя Шмелевскому обнажению «первозданной правды» о «красных жестокостях», Александр Исаевич в статье [Там же, с. 186]. Оценка революционных лет первого десятилетия XX в., данная в «Солнце мертвых» Шмелевым, совпала с солженицынской позицией, отсюда и вполне закономерный призыв перечитывать произведение неоднократно.

Через слово Шмелева раскрывались особенности русской жизни, традиции, быт, нравы, православное сознание и мировосприятие. Солженицын выделил десятки слов из произведений И. Шмелева, попавших на страницы словаря: «доброусердие», «незнанный», «проспор», «неразлучники», «повоздержитесь», «омоленный», «опаско», «первопоследний». Однако в своем литературном наследии Солженицын использовал только одно слово – «потайно» [10].

«Отец в кабинете: принесли выручку из бань, с ледяных катков и портомоев. Я слышу знакомое почокивание (это слово также включено в “Русский словарь языкового расширения” – И. М.) медяков и тонкий позвонец серебра: это он ловко отсчитывает деньги, ставит на столе в столбики, серебробо завертывает в бумажки; потом раскладывает на записочки – каким беднякам, куда и сколько. У него, Горкин сказывал мне *потайно*, есть особая книжечка, и в ней вписаны разные бедняки и кто раньше служил у нас», – пишет Иван Сергеевич в романе «Лето Господне» [20, с. 165]. И Солженицын, заставляя слово источать энергию, передавать «нутряное» свое содержание, включает его в текст романа «В круге первом»: «И, *потайно* подстережа этот глубокий ночной час, когда марфинские тюремные порядки перестали действовать, – двести восемьдесят первый арестант тихо вышел из полукруглой комнаты, жмурясь на яркий свет и попирая сапогами густо набросанные окурки» [13, с. 338]. Слово с максимальной точностью передает необходимую авторам атмосферу таинственности, скрытости и боязни раскрытия сокровенного, того, каким знанием обладают герои (как у Шмелева), или того, насколько они осторожны в своих поступках, помыслах (как у Солженицына).

Итак, Солженицын, ставя своей целью «возродить» к жизни незаслуженно забытые, с точки зрения писателя, лексемы, изучает различные устные и письменные источники речи, в т.ч. художественные произведения писателей России XIX-XX в., и создает «Русский словарь языкового расширения» [10]. Жизнь слову дает писатель – именно это демонстрирует А. Солженицын, включая лексику из словаря, из произведений русских писателей в собственные тексты, показывая его силу и энергетическое воздействие на читателя. Безусловно, сталкиваясь на страницах словаря с такими единицами, как «безграмотство» (Успенский), «безженный» (Мельников-Печерский), «ревучий» (Ремизов), «шумота» (Есенин), «ясносиятельный» (Островский), открываешь для себя новые горизонты языковой стихии.

Лексический потенциал языкового материала помогал Солженицыну понять в целом язык, творческую манеру, индивидуальный стиль того или иного автора. Таковыми чертами стали в оценке творчества Е. Замятина портретная лаконичность, достигаемая сжатым синтаксисом, и богатейший материал образных выражений и описаний, в оценке И. Шмелева – словесные формулы, раскрывающие традиции, национальное своеобразие и православное мировоззрение русского человека. Солженицын не использует замятинскую или шмелевскую лексику в исходном виде, он дает возможность слову проживать новую жизнь за счет расширения своего смыслового поля. Значения, появляющиеся у слова в результате их контекстуального употребления, привлекали Александра Исаевича в большей степени, что и определяет специфику использования одних и тех же слов разными писателями.

Культура современности, как справедливо отметил сам Солженицын, – оскудневшая, обедневшая, затертая. Человек настоящего забыл многовековое языковое прошлое России, к тому же не у каждого возникает желание его возрождать. В идее восстановления «утерянных богатств» мы должны отдать должное сегодня великим русским писателям, ученым, просветителям. И, безусловно, отдельный поклон Александру Исаевичу Солженицыну за трепетное, бережное отношение к родному языку и непосильный труд в возрождении великого русского языка, отечественной культуры в целом.

Список литературы

1. **Алтынбаева Г. М.** «Литературная коллекция» А. И. Солженицына: К вопросу о жанре // А. И. Солженицын и русская культура. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 140-145.
2. **Большой толковый словарь русского языка** / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2004. 1536 с.
3. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 12-ти т. М.: Мир книги, 2003. Т. 7. 416 с.
4. **Жилиев Г. Е.** А. И. Солженицын – художник и мыслитель на пороге XXI века. Армавир: АГПУ, 2001. 179 с.
5. **Замятин Е. И.** Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-книга, 2011. 1258 с.
6. **Клеофастова Т.** Творчество А. Солженицына в контексте XX века // Между двумя юбилеями (1998-2003): Писатели, критики и литературоведы о творчестве А. И. Солженицына. М.: Русский путь, 2005. С. 302-314.
7. **Мельникова С. В.** Лексический потенциал языка в оценке А. И. Солженицына: на материале «Русского словаря языкового расширения»: автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1996. 16 с.
8. **Нива Ж.** Поэтика Солженицына между «большими» и «малыми» формами // Звезда. 2003. № 12. С. 143-148.
9. **Полякова Л. В.** Солженицын о Замятине // А. И. Солженицын и русская культура. Саратов: СГУ, 1999. С. 79-80.
10. **Русский словарь языкового расширения** / сост. А. И. Солженицын. М.: Русский путь, 2000. 280 с.
11. **Солженицын А. И.** Архипелаг ГУЛАГ, 1918-1956: Части I-II // Солженицын А. И. Собрание сочинений в 30-ти т. М.: Время, 2010. Т. 4. 324 с.
12. **Солженицын А. И.** Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. Париж: YMCA-PRESS, 1975. 629 с.

13. Солженицын А. И. В круге первом. М.: Время, 2010. 354 с.
14. Солженицын А. И. Иван Шмелёв и его «Солнце мёртвых» // Новый мир. 1998. № 7. С. 184-193.
15. Солженицын А. И. Из Евгения Замятина // Новый мир. 1997. № 10. С. 186-201.
16. Солженицын А. И. Публицистика: в 3-х т. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1995. Т. 1. Статьи и речи. 720 с.
17. Солженицын А. И. Рассказы и крохотки. М.: Время, 2006. 672 с.
18. Урманов А. В. Творчество Александра Солженицына. М.: Флинта: Наука, 2004. 380 с.
19. Филиппов Л. К. Язык А. И. Солженицына: особенности авторской орфографии // А. И. Солженицын и русская культура: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А. И. Ванюков. Саратов: Изд-во СПИ, 1999. С. 147-152.
20. Шмелёв И. С. Лето Господне. М.: Московский рабочий, 1990. 576 с.
21. Эпштейн М. Русский язык в свете творческой филологии разыскания // Знамя. 2006. № 1. С. 192-207.

**“RUSSIAN DICTIONARY OF LANGUAGE EXTENSIONS” BY A. I. SOLZHENITSYN
AS A FORM OF “DIALOGUE” WITH THE RUSSIAN WRITERS OF THE XX CENTURY
(A. SOLZHENITSYN, Y. ZAMYATIN, I. SHMELYOV)**

Malygina Inna Yur'evna, Ph. D. in Philology
Stavropol State Pedagogical Institute
pavlihina@bk.ru

The article aims to study “Russian Dictionary of Language Extensions” by A. I. Solzhenitsyn which is considered as a certain form of “dialogue” with the Russian writers of the XX century. By means of meta-poetical data (analysis of the introduction to the dictionary) the researcher discovers the mechanism of writer’s work over the edition, identifies the sources, purpose and tasks of its development, emphasizes the author’s interpretation of its importance. Relying on A. I. Solzhenitsyn’s “Literary collection” the paper presents analytical survey of the functioning of the “Russian Dictionary of Language Extensions” lexemes–definitions in the creative work by Y. Zamyatin, I. Shmelyov and A. Solzhenitsyn.

Key words and phrases: lexeme; dictionary; language; literary work; literary collection; creative work by Y. Zamyatin, I. Shmelyov, A. Solzhenitsyn.

УДК 821.111

Статья раскрывает новый взгляд на элемент пейзажа в «Путевых письмах» Мэри Монтэгю. В ее лирических пейзажах категория природы связана с чувствами, ощущениями, представлениями, эмоциями героев. Пейзаж начинает привлекаться для изображения внутреннего мира и состояния героев, дополняет образ ситуации и самого автора. Из внешней детали пейзаж превращается в психологическую. В таком лирическом пейзаже важны эмоциональность и экспрессивность, чувство становится определяющим началом.

Ключевые слова и фразы: лирический пейзаж; описания природы; душевное состояние героя; путевые письма; изображение реалистических картин природы.

Нагорнова Екатерина Валерьевна, к. филол. н., доцент
Российский университет дружбы народов
katya-nagornova@yandex.ru

ЛИРИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ «ПУТЕВЫХ ПИСЕМ» М. МОНТЭГЮ

До сих пор пейзаж оставался в стороне от магистральных линий изучения как отечественными, так и зарубежными исследователями. Вероятно, это было вызвано тем, что на протяжении долгого времени недооценивалась роль пейзажа в прозаической литературе эпохи раннего Просвещения.

В исследованиях отечественных (Г. В. Аникин, Б. Е. Галанов, В. В. Кожин, Е. И. Савостьянов, З. С. Старкова [1; 2; 3; 4; 5]) и зарубежных (Б. Х. Бронсон, М. Дрэбл, В. Р. Кэнэди, С. Н. Мэнлау, Х. М. Николсон, Дж. Тод [6; 7; 8; 9; 10; 11]) литературоведов отмечается, что общие художественные задачи литературы вплоть до середины XVIII века решались при слабом участии или же без всякого участия пейзажа, хотя всеми без исключения исследователями эпохи Просвещения обращается внимание на меняющиеся взаимоотношения Природы и Человека, Разума и Чувства. В работах Б. Е. Галанова, Е. И. Савостьянова, З. С. Старковой [2; 4; 5] прослеживается эволюция развития пейзажа как элемента литературного произведения. Этими исследователями признается наличие пейзажа в литературе всех времен, но значимое место пейзаж стал занимать только в произведениях поэтов-сентименталистов, то есть во второй половине XVIII столетия. Позже Г. В. Аникин [1], анализируя эстетику Дж. Рескина, признает усиление эмоционального восприятия мира человеком. Он пишет о развитии наблюдательности, нового представления о прекрасном в связи с повышенным интересом к науке, о том, что усиление чувства природы ведёт к возникновению особых форм искусства и среди них – пейзажа. Ученый выделяет у Рескина различные типы «живописного», большинство из которых просматриваются только в литературе второй половины XVIII века.